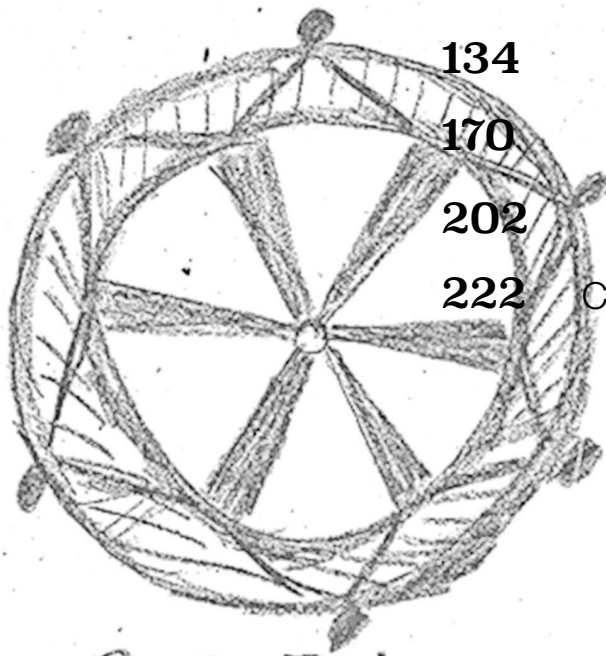

Содержание

6	Пролог
24	Великие блуждания
42	Даниил
56	Подросток Ювачев
76	Хармс
96	Esther
114	Александр Иванович и другие
134	Будете как дети...
170	Случаи
202	Эпилог
222	Список литературы

REAL

Даниил Ювачев.
Фотоателье С. Левицкого
(ул. Казанская, д. 3).
1906

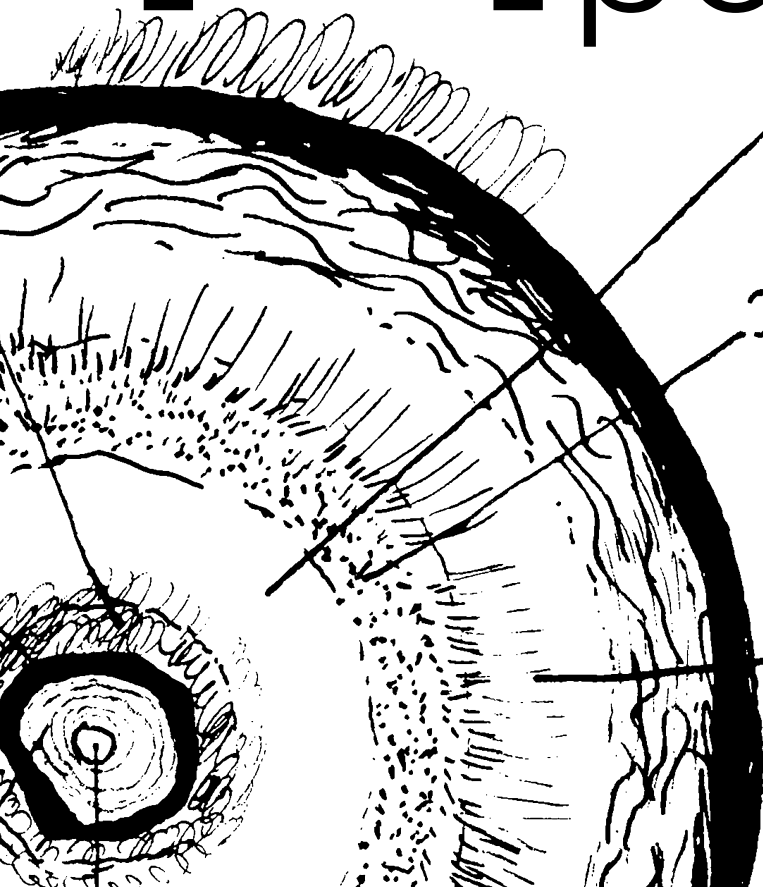
роЛОГ

Луомота.

Тразвёзди.

ОГНЕННОЕ
Кольцо
Тартарара.

сний Я.

Вбегает мертвый господин и молча удаляет время.
Александр Введенский

У меня нет интереса к литературе, литература – это я сам.
Франц Кафка

Чудотворец был высокого роста.
Даниил Хармс

Иван Ювачев.
*Портрет работы
Н. Протопопова.
7 февраля 1929*

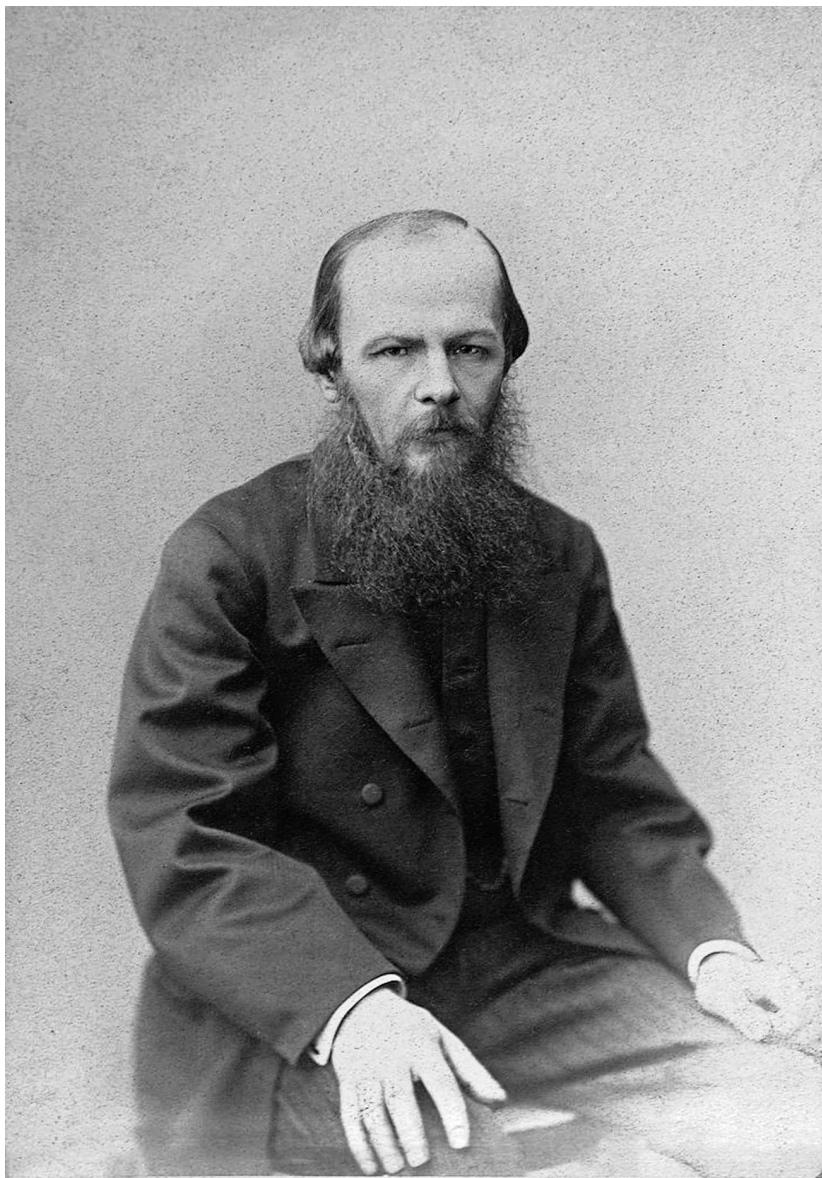
Отец был похож на Достоевского, однако дружил с Толстым.

Сын же был похож на пророка Господня Даниила, хотя и не верил в грозного Тучегонителя, имеющего также наименование Тетраграмматон – по четырем буквам произносимого имени Божьего. Сыну хватало собственного отца – худого, долговязого старика-каторжанина с седой косматой бородой, которую вполне можно было бы почесть за Моисееву.

Отца звали Иваном Павловичем, а сына – Даниилом Ивановичем.

Даниил Иванович уверовал в Ивана Павловича еще в раннем детстве, когда лежал в колыбели и делал вид, что спит, убаюканный кормилицей по имени Анастасия, а его отец тем временем бороздил пространства, переплывал моря и океаны, переходил пустыни и реки вброд, лазил по горам, на вершинах которых лежал снег, проповедовал, вещал, веял на пронзительном ветру этой самой своей косматой Моисеевой бородой, которая в те годы, впрочем, еще не была полностью седой, но черной с проседью, словно бы обсыпанной мелом, топорщилась и выдавала гневливый нрав ее хозяина – человека много прошедшего, познавшего, а также изрядно пострадавшего.

Иван Павлович помнил, разумеется, слова святого Григория Богослова о том, что *«гнев – небезопасный для всякого советник, и предпринятое в гневе никогда не бывает благоразумным»*. Простота и доходчивость

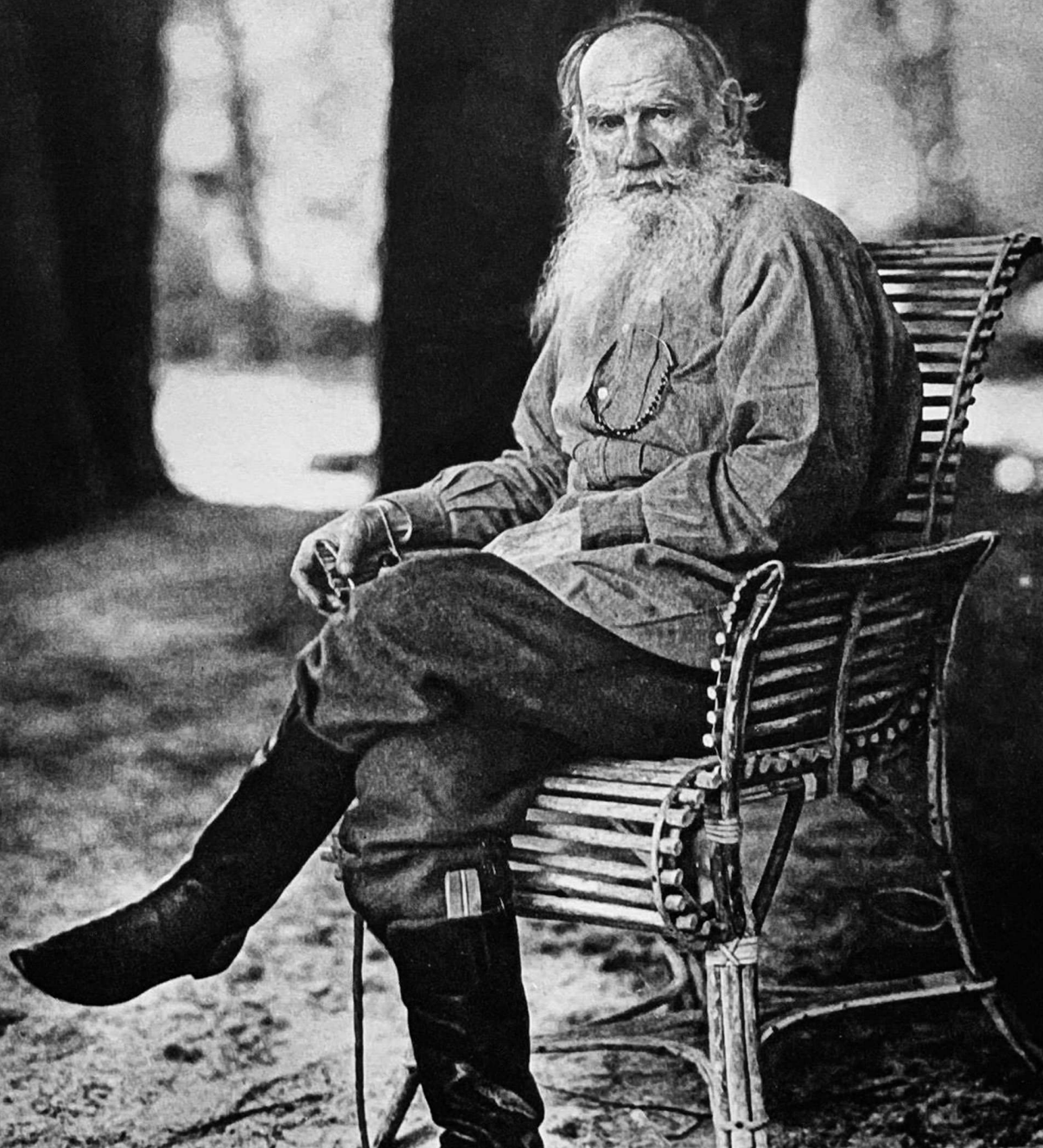

Ф.М. Достоевский.
Фотография В.Я. Лауфферта. 1872

Л.Н. Толстой.
Фотография С.М. Прокудина-Горского. 1908

этих глаголов вызывала у Ивана Павловича двоякое чувство, а именно – не является ли сия простая и очевидная мысль, лежащая на поверхности, лукавым примышлением, и не кроется ли за ней нечто большее, чем просто упование на собственное благоразумие и здравомыслие, коих может и не быть, особенно в минуты наивысшего напряжения душевных сил, приступа болезни или вмешательства иных началозлобных искушений.

То ли дело утверждение преподобного Иоанна Лествичника: *«Начало безгневия есть молчание уст при смущении сердца; середина есть молчание помыслов при тонком смущении души; а конец есть неколебимая тишина при дыхании вражьих ветров».*

Какой же тут простор для синтеза и фантазии, для стяжания немятежного духа, когда взираешь на себя как бы со стороны, видя все свои недостатки и изъяны, радуешься внезапно открывшейся возможности погрузиться в неколебимую тишину, впасть в бесконечное небытие, смело отринуть дыхание вражьих ветров.

Иван Павлович складывал губы трубочкой и долго, протяжно, усердно выпускал сквозь них воздух, совершенно при этом исчерпывая предыдущий вдох – глубокий, неохватный, неисчерпаемый.

А вот поди ж ты – исчерпался!

У Даниила Ивановича борода отсутствовала, как у Спаса Эммануила, или как у пророка Божьего Даниила, который, как известно, был на лицо бос, тогда как у похожего на Федора Михайловича Ивана Павловича борода наличествовала, да еще какая борода!

И она развевалась, влаемая самыми разнообразными воздушными потоками – стылými и огнедышащими, морскими и степными, вражьи́ми и ангельскими.

Как тут было, примеривая на себя образ Саваофа, не беседовать с сыном на божественные темы.

О конце света например.

Посему Иван Павлович и Даниил Иванович довольно часто затрагивали эту тему.

Отец говорит:

– Многие видят во мне церковника-ортодокса, погрязшего в предписаниях и чинопоследованиях, человека, лишившегося рассудка на религиозной почве. Но это не так! Истинно говорю тебе, это не так! Мой внутренний мир загадочен и мало кому известен. Даже мне самому он до конца неведом. Беда в том, что обо мне судят лишь по моей внешности...

Сын смотрит на своего отца и видит перед собой богомольца-паломника, коих тысячи притекают в Петроград, чтобы поклониться мощам святого благоверного князя Александра Невского или блаженной Ксении Петербуржской – тощий, седобородый, со взглядом пронзительным и неподвижным.

Отец меж тем продолжает говорить:

– Да, я сторонник православной догматики и уверен в том, что если бы Спаситель опять явился на грешную землю, то явился бы именно среди православных церквей. Также я уверен в том, что Он упрекал бы нас, как иудейских книжников и фарисеев, потому как мы хуже, гораздо хуже, чем они! Наша вера хранит букву, но духа в ней уже почти нет!

Отец замолкает.

Сын думает о том, что приход Спасителя и есть конец света, и даже записывает в блокноте, с которым никогда не расстается, следующую притчу: *«Один монах вошел в склеп к покойникам и крикнул: «Христом воскрес!» А они ему все хором: «Воистину воскрес!»*

«Вот так так...», – мыслится при этом Даниилу Ивановичу.

Иван Павлович меж тем завершает свое рассуждение следующими словами:

– После Христа было две церкви — христианская и иудейская. Иудейская разрушилась, когда Богу было угодно, когда был разрушен храм в 70 году. Теперь есть православная церковь и церковь свободных христиан... Православная церковь разрушится, когда Богу будет угодно...

Даниил Иванович представляет себе это вселенское разрушение, эту катавасию, эту кутерьму, которая смущает и вдохновляет его одновременно.

Потом он сообщает отцу, что в годы юности знал много молитв, даже занимался их сочинительством, но сейчас не помнит ни одной, все забыл.

Все!

Иван Павлович с трудом сдерживает слезы, чтобы не расплакаться от этих слов своего сына, и впадает в бесконечное небытие, о котором однажды прочитал у отца Павла Флоренского.

Водит пальцем по страницам развернутой книги, придерживает очки, шевелит губами:

– Таким образом, потенциальная бесконечность не есть идея, а только вспомогательное понятие... потенциальная бесконечность

есть то самое, что древние называли ἄπειρον, схоластики — synkategorematicе infinitum или indefinitum, а новые философы — дурной бесконечностью... Потенциальная бесконечность предполагает существование актуальной бесконечности, как своего предела... Всякая потенциальная бесконечность уже предполагает существование актуальной бесконечности, как своего сверх-конечного предела, всякий бесконечный прогресс уже предполагает существование бесконечной цели прогресса, всякое совершенствование бесконечное требует признания бесконечного совершенства...

Образ горения неустанно повторяется в языке Писания, и в этом образе нельзя видеть простое, с маху взятое сравнение. Но, за всем тем, в понятие горения привносится существенный признак — признак вечности. «Сгорать», но не «сгореть», — таково «вечное горение». Если в глазах сущего, для «самого», вечность мучений — в их абсолютном по содержанию миге; когда соприкасаются грех и взор Божий, не могущие соприкоснуться более, как на миг, то для не-сущего эта вечность — в непрестанной продолжаемости в дурную бесконечность в нелепом и не-сущем о себе растяжении умирания злой самости на беспредельность чисто внутренней, ничем более не сдерживаемой похоти. Будучи дурною абсолютностью и полною независимостью ото всего, — как того хочет самость, — и в то же время, не имея творческой активности, эта самость лишена и внешних, и внутренних побуд остановиться, положить предел своей похоти. Предоставленная самой себе, — самость делается своєю рабою и, в голом само-тождестве греховного Я, пыльным, вечно изнемогающим, никогда не останавливающимся вихрем бессмысленно кружит во тьме небытия и муки: достигнуто, вот оно «будете как боги»!

Даниил Иванович не понимает ничего ровным счетом из прочитанного его отцом, разве что «будете как боги» вызывает у него отклик. Вот уж воистину достойная самость, побуждающая на преизрядные подвиги и поступки, вызывающие у окружающих изумление, недоумение и негодование.

Итак, Даниил Иванович смотрит на Ивана Павловича, читающего вслух сочинение отца Павла Флоренского, и не узнает его.

То есть абсолютно находит его в эту минуту чужим человеком!

В свою очередь, обладая даром различения помыслов, отец, отрываясь от книги, произносит:

– *Возлюбленный сыне мой, в этом нет ничего удивительного, не печалься! Быть неузнанным – удел многих подвижников благочестия, усвоивших, по словам Спасителя, что «враги человеку – домашние его». Вот, например, преподобный Иоанн Кущник, подвизавшийся в куще, в рукотворном шалаше то есть, рядом с домом своих родителей, так и не был ими признан, и лишь перед самой своей кончиной он открылся им. Сколь же были горьки и обильны слезы умиления и прозрения! А на могиле преподобного его родителями был возведен храм и странноприимный дом для призрения убогих и бездомных. Не чудо ли это? – Иван Павлович улыбается, молчит какое-то время и завершает:*

– *Я так думаю, что верующий человек, внимательно относясь к своей жизни, видит непрестанно множество чудес...*

А ведь Иван Павлович и не скрывал никогда того, что во всем искал таинственные знаки, чудесные откровения, Божественные стигматы, страстно увлекался нумерологией, сопоставляя годы рождения и смерти, номера железнодорожных билетов и количество прочитанных за день страниц Библии, цифры, на которые указывала часовая или минутная стрелка напольных часов, и номера домов.

Складывал и вычитал, умножал и делил, фиксировал результаты в специальной таблице, которую вполне можно было назвать таблицей футуристических предзнаменований и толкований.

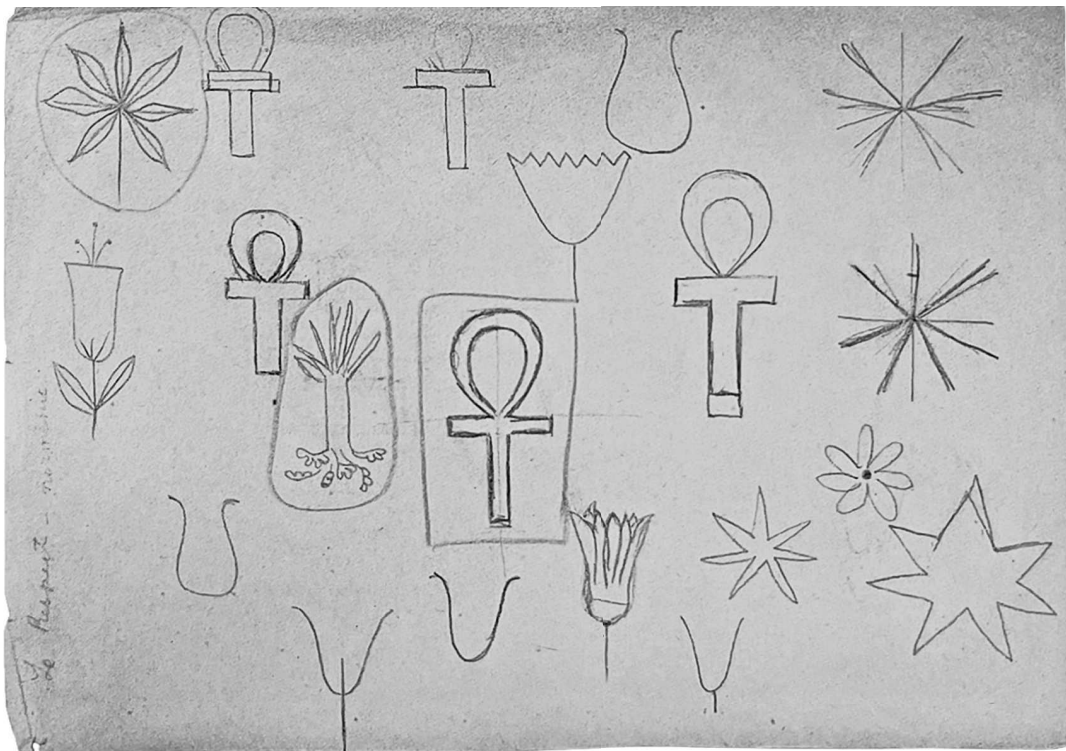
Например таких: *«Сегодня мне ровно 69 лет. Это число напоминает мне условное обозначение зодиакального созвездия Рака Cancer ∞, тоже 69 в лежку. Казалось бы, можно и так изобразить: ∞, но я не видел нигде в печатных изданиях английских и французских, чтобы так изображали это созвездие. Очевидно, установлено ∞. Самое скромное из всех зодиакальных созвездий, но зато солнце в нем бывает», – записал в своем дневнике Иван Павлович 6 марта 1929 года.*

И вновь встает вопрос бесконечности, о котором мы говорили выше.

Иван Павлович размышляет о бесконечном и всевластном времени, которое то ускоряет, то замедляет свой бег, то вообще останавливается, и возникает мысль о том, что его вообще не существует.

При этом лицо Ивана Павловича становится светлым, радостным и даже начинает светиться, как ему самому кажется, Фаворским светом.

Постепенно, конечно, узнавание отца приходит к Даниилу Ивановичу – эти знакомые интонации, жесты, мимика, это покашливание,

Египетский крест и другие знаки.

Рисунок Д. Хармса. Начало 1930-х

«Яйцо Мира, или Ноль».

Рисунок Д. Хармса. 1930-е

